

Специфика игры с куклой Барби у детей дошкольного возраста

Л. И. Эльконинова,
кандидат психологических наук,
М. В. Антонова

В статье описана психологическая экспертиза куклы Барби с позиции психологии развития в рамках культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. В соответствии с данной позицией кукла — это культурный предмет, в котором «зашифрованы» те или иные способы действия.

В отечественной психологии не проводились специальные экспериментальные исследования игр с куклами различных типов для определения их «культурно запрограммированного» содержания. Встречающееся в психологической литературе крайне полярное отношение к кукле Барби носит скорее эмпирический и оценочный, чем экспериментально-объективный характер.

Эта кукла появилась в 60-х гг. прошлого века и сильно отличалась от всех ранее выпускавшихся кукол. Во-первых, была найдена удачная величина куклы (она не очень большая, но и не пупсик, и детям очень удобно играть с ней); во-вторых, Барби была задумана как образец женской красоты (у нее красивые лицо, волосы и тело); в-третьих, у нее могут сгибаться руки и ноги, чего нет у большинства других кукол; в-четвертых, ее важным отличием от остальных кукол является наличие груди, т. е. половых признаков взрослой девушки. Красивые куклы были и раньше (например, фарфоровые куклы), однако обычно они стоили дорого и были недоступны для большинства детей.

Барби стала «массовой» куклой, с которой можно было играть так, как хочется, не боясь ее испортить. Она привлекательна еще и потому, что в магазинах для Барби можно купить много разной и красивой одежды и менять ее по желанию ребенка.

С момента первого появления куклы Барби возникло множество ее «амплуа»: Барби-роллер, Барби-принцесса, Барби-невеста, Барби на вечеринке, Барби-русалка и т. д. Существуют темнокожие Барби и Барби-инвалид, сидящая в кресле-коляске, а также беременная Барби. Кукла завоевала мировой рынок: она продается во многих странах; в некоторых из них она целиком приспособлена к иной культуре или просто наряжена в народный костюм.

«Имущество» Барби постоянно увеличивается на несколько предметов (это может быть самолет, фотоальбом или несколько новых костюмов). Для Барби выпускаются косметические средства, которые девочка может использовать и сама. Некоторые наряды для Барби созданы в знаменитых домах моды (Барби от Givenchi). Востребованность этой куклы способствовала возникновению целой индустрии Барби.

Во многих странах фирма Mattel выпускает журнал «Играем с Барби» (на русском языке в том числе), который выполняет обучающие и воспитательные задачи. Так, дети из него могут узнать о хороших манерах, как подобрать ткани для платьев и подходящие аксессуары, правильно комбинировать части одежды друг с другом и т. д.

Популярность этой куклы среди девочек свидетельствует о том, что она, видимо, отвечает каким-то их потребностям. Вместе с тем не только родители, но и психологи неоднозначно оценивают эту куклу.

Так, Г. Г. Ершова отмечает, что для полноценного формирования ребенка куклы и кукольные домики должны иметь современный дизайн, быть изготовлены из новых материалов и технических элементов. Они должны нести все сведения о научно-техническом и культурном прогрессе, иначе у ребенка вынужденно формируется неадекватная картина мира. В связи с этим, по мнению Г. Г. Ершовой, идеально разработанным (с точки зрения адаптивно-потребительского общества) выглядит комплекс кукольной жизни Барби. Однако этот автор отмечает и его недостатки, утверждая, что комплекс «изначально абсолютно исключил ориентировку на эволюционно-прогрессивное интеллектуальное развитие ребенка (как творческое, так и аналитическое)» [3, с.152].

В. К. Лосева и А. И. Луньков положительно относятся к этой кукле и считают, что Барби способствует освоению такой важной части женской роли, как роль «красавицы». «Долгое время на нашем рынке не было игрушки, отвечающей потребности девочек этого возраста играть в игры про «красавицу». И эта потребность проявлялась в рисовании однотипных принцесс, стремлении переодеться в нарядное мамино платье и туфли на высоких каблуках и жгучем интересе к косметике. С появлением куклы Барби проблема отсутствия игрушки для девочек разрешилась» [6, с.29]. Барби, с точки зрения вышеназванных авторов, не «дочка» и не «мама», она — «красавица-принцесса» и вполне закономерно, что рядом с ней появляется принц. Барби позволяет девочке осуществить свою мечту стать не только матерью, но и принцессой и встретить своего принца.

Нередко сильное желание девочки иметь куклу Барби сталкивается со столь же сильным сопротивлением родителей. К чему, по мнению В. К. Лосевой и А. И. Лунькова, может привести подобный запрет? «Запрет на удовлетворение этой потребности (потребности игры в «красавицу». — Прим. авт.) неизбежно исказит психосексуальное развитие девочки, внесет раскол в ее сознание, создаст чувство собственной неадекватности. Ведь в сказках принцы женятся не на добрых «мамочках», а на прекрасных принцессах, с которыми, естественно, отождествляет себя девочка в своих фантазиях. Таким образом, запрет на игру в «красавицу» — это запрет на детскую фантазию о красоте и счастье» [6, с.29].

Другие авторы оценивают роль Барби прямо противоположным образом. Карин Нойшюц, сторонница вальдорфской педагогики, описывает куклу Барби так: «В магазинах продаются всякие Барби, Синди, Кены и прочие, этикие куклы-фотомодели с тоненькими, как спички, ножками или мускулатурой, как у супермена, с мертвым рыбьим взглядом и отвратительной виниловой кожей. Для них выпускают тысячи принадлежностей: спортивные костюмы, лошадей, плавательные бассейны, туалетные столики, космические скафандры, экипировку для подводного плавания, гоночные автомобили с всевозможными престижными аксессуарами. Эти куклы — отражение жизненной позиции, которая вызывает серьезные сомнения» [4, с.70].

Отрицательно относится к «сексуальности» данной куклы В. В. Абраменкова, которая в своей статье «Игра формирует душу ребенка» резко критикует Барби. «Кто не знает кукол Барби и Синди — секс-символ и воплощенную мечту общества потребления! Какие жизненные ориентации для малыша символизируют собой эти красавицы с женскими формами? Кто они — дочки? Подружки? Обладая такой куклой, девочка воображает себя не мамой, укачивающей дитя, а горничной, ухаживающей за своей госпожой, убирающей ее дом и приводящей к ней бой-френда. Архетип материнства незаметно подменяется архетипом

блуда! Мы — родители, что действительно хотим для своих дочерей будущего интердевочки?» [1, с.76]. Мы должны заметить, что кроме возможной ориентации ребенка на сексуальность игра с Барби содержит и другие возможности. Помимо самой куклы и ее спутника Кена, а также их общих друзей существуют еще и куклы-дети, что позволяет играть в «семью». Если Барби кормит Шелли, укладывает ее спать, водит на прогулку и т. д. — это и есть игра в «дочки-матери». Барби здесь «мама».

В качестве темы исследования мы выбрали поиск ответа на вопрос о том, вызывает ли Барби преждевременный интерес дошкольников к половой жизни взрослых.

По нашему мнению, позицию сторонников и противников Барби относительно упомянутого вопроса необходимо соотнести с представлением о благополучном формировании «психосексуальной идентичности» (Э. Эриксон), долго не изучавшемся в отечественной психологии. Согласно Г. Крайг, полоролевая (гендерная) идентичность, возможно, является самой важной частью «Я-концепции». Ребенок должен узнать свою половую принадлежность, т. е., во-первых, связанное с полом поведение и, во-вторых, типичные половые особенности [5, с.145—147]. В большинстве культур дети начинают демонстрировать соответствующее полу поведение к 5-летнему возрасту, однако многие из них уже к 3 годам усваивают некоторые специфические для своего пола модели поведения. «Полоролевые стереотипы — это укоренившиеся, твердые представления о том, каким должно быть мужское и женское поведение» [5, с.145]. Уже в младенческом возрасте дети сталкиваются с образцами для подражания и системой поощрений и наказаний, помогающих отличить приемлемое для их пола поведение от неприемлемого.

Представление детей о половых особенностях (гендерные схемы, понятия), т. е. обусловленных полом социокультурных нормах или стереотипах, определяется как уровнем когнитивного развития ребенка, так и влиянием отдельных сторон культуры. «Частью гендерных схем является представление о половой идентичности, которая в определенной последовательности развивается у ребенка на протяжении первых 7-8 лет его жизни. Дети начинают называть себя «мальчиком» или «девочкой» в очень раннем возрасте, но не понимают, что пол константен на протяжении всей жизни. Константность пола дети осознают к 6—7 годам» [5, с.146—147].

Как пишет Г. Крайг, тендерные понятия формируются у детей на основании того, чему их учат, а также за счет подражания культурным моделям, которыми дети окружены. В психологической литературе этот процесс связывается с процессом социализации, которая осуществляется через идентификацию, т. е. психический процесс, содействующий пониманию того, кто ребенок есть и кем он хочет быть. Нет единого мнения о механизмах, с помощью которых достигается идентификация. Так, согласно Фрейду, у мальчиков механизмом идентификации является дифференциация, а у девочек — аффилиация. Теоретики социального научения считают, что идентификация осуществляется благодаря наблюдению и подражанию. С позиции когнитивного подхода идентификация — это часть общего процесса познавательного развития, с этой точки зрения понятийное понимание своего пола, возможно, после 3 лет; к 6-7 годам дети уже создают стабильное понимание своей женской или мужской идентичности [14].

В Барби действительно ярко выражена женственность; но индустрия данной игрушки акцентирует также и разноплановость, разносторонность женщины: она одновременно может быть мамой, красавицей, женой и человеком той или иной профессии. Используя понятия Крайг, можно сказать, что Барби — это модель женского поведения. Как эта модель становится личным «достоянием» ребенка?

В культурно-исторической традиции этот вопрос звучал бы так: как ребенок дошкольного возраста присваивает (т. е. делает своим) культурный образец поведения, «запрограммированный» в Барби? Согласно Л. С. Выготскому, образцы поведения в культуре не даны, а лишь заданы: ребенок должен их для себя открыть и опробовать, что требует достаточно

длительного времени. Дети дошкольного возраста обнаруживают и опробуют отношения между людьми в сюжетно-ролевой игре. В ней ребенок ищет и объективирует свое понимание того, что, значит, быть взрослым, женщиной или мужчиной. Чтобы подтвердить или опровергнуть мнение об отрицательном влиянии Барби на детское развитие, прежде всего следует доказать, что именно в игре с Барби действия детей имеют смысл интимных половых отношений и эти действия отличаются от нужных и соответствующих дошкольному возрасту игровых проб поведения, характерного для того или иного пола.

Проблема состоит в том, что именно последнего нет — мы не знаем, что в дошкольной игре является «нормой» понимания отношений между полами и половой принадлежности. Среди детских психологов нет единого мнения о том, что и как сказать ребенку, когда он интересуется тем, откуда он взялся, как ребенок попал в мамин живот и какую роль при этом играет папа. Дети должны искать ответ на эти вопросы, и игра может быть прочитана психологом как «зеркало» прояснения ребенком ответов на них.

Гипотеза нашего исследования касается именно нормы понимания дошкольниками половых отношений как содержания их игры и основывается на теоретических представлениях об акте развития и предметности игры [12]. Мы предположили, что соответствующим дошкольному возрасту и адекватным для понимания отношений между полами сюжетом игр будет такой, в котором:

- а) два типа жизни (взрослой — половой и детской — бесполовой) отделены друг от друга и локализованы в разных семантических пространстве и времени;
- б) разыгрывается переход от одного пространства к другому как основное событие игры.

Следовательно, если сюжеты наших испытуемых с Барби имеет упомянутое содержание, то кукла будет стимулировать неадекватно возрасту интерес к половой жизни, наоборот, может помочь здоровому пониманию дошкольниками отношений между полами.

Таким образом, **объектом** данного исследования является содержание игр с обычными куклами и куклой Барби, а **предметом** исследования — игровые пробы поведения, характерного как для той или иной половой принадлежности, так и полоролевых отношений в соответствующем сюжете.

В задачи исследования входило определение метода оценки игр (т. е. критерии и показатели содержания игры), инициирование игр с двумя типами кукол (обычными и куклами типа Барби) и сравнение содержания обеих групп игр.

Эксперимент состоял из двух частей. В первой части мы инициировали игру с куклами типа Барби и наблюдали за ней, во второй части следили за играми детей с обычными куклами («не Барби»).

В эксперименте участвовали 13 детей в возрасте от 3 до 7 лет (10 девочек и 3 мальчика). Из них пятеро принимали участие в обеих частях эксперимента, с остальными были проведены игры только с Барби или только с обычными куклами.

С каждым ребенком было проведено по три игры, с пятью детьми по шесть игр (по три на каждую куклу). Всего было получено 56 игровых протоколов. Дети играли в привычной для них обстановке детского сада. Для игры они могли выбирать все знакомые им игрушки, а также кукол, принесенных экспериментатором, который предлагал набор кукол типа Барби (а также нужные для игры с ними атрибуты) или обычных кукол с необходимыми атрибутами.

В наборе кукол Барби были сама Барби, одетая в красивое белое платье, с заплетенной косой, с бусами и браслетом; Кен в брюках, рубашке и ботинках, с браслетом на руке; кукла Вероника (русский вариант Барби), одетая в брюки и блузку, с распущенными волосами, без украшений; кукла «малыш» (пупсик) в комбинезоне. Аксессуары к куклам: расчески, фен, зеркала, несколько предметов привлекательной одежды, предметы косметики (помада,

крем для лица, для рук, лак для ногтей), парфюмерии (духи, шампуни и т. д., прилагающиеся к кукле Барби) и «Розовый дом» Барби (в играх детей 6—7 лет).

До начала собственно экспериментальной работы проводилась серия вводных игр, когда экспериментатор приходил в группу, чтобы дети с ним познакомились и привыкли к нему; он не показывал экспериментальных кукол, а играл в игры, затеянные детьми. Данные вводных игр не подвергались анализу. Собственно эксперимент с детьми младшего возраста проводился индивидуально, а со старшими как индивидуально, так и с двумя детьми (здесь экспериментатор почти не участвовал в игре). Взрослый предлагал ребенку поиграть с ним в игру, которую выберет сам ребенок. Если он выбирал игру в куклы, начиналась фиксация данных; если ребенок предпочитал другую игру, то спустя некоторое время экспериментатор предлагал ему поиграть с принесенными им куклами. Если ребенок соглашался, ему предоставляли возможность взять тех кукол, с которыми он хотел играть, а взрослый играл с остальными куклами.

В наборе принесенных экспериментатором обычных кукол были большие куклы более взрослых девочки и мальчика (в игре они могли использоваться в качестве взрослых) и маленькие куклы девочки и мальчика (в игре они могли использоваться детьми в качестве малышей). Кроме того, были четыре куклы неопределенного возраста, которые могли исполнять роль, как взрослых, так и детей.

Аксессуары, которые предлагались к обычным куклам, были аналогичны аксессуарам Барби, но больше по размеру. Игровыми атрибутами были маленькие, но настоящие расчески, зеркала, предметы одежды (несколько платьев, в том числе и белое), подходящие для разных кукол, коробочки и баночки от косметики и парфюмерии и т. д., а также предметы-заместители недостающих аксессуаров (так, деталь от конструктора, имеющая форму буквы «Г», заменяла фен).

Данные наблюдения по каждой игре оценивались по следующим **показателям**:

1. Тема игры.
2. Сюжет игры и его структура:
  - а) последовательность игровых действий;
  - б) семантические пространства;
  - в) переходы между ними.
3. Инициатива:
  - а) взрослого;
  - б) ребенка (особенно то, какую роль в игре выполняет кукла).

Нас прежде всего интересовала частота следующих ролей (амплуа) кукол: «мама», «красавица», «женщина» (поведение сексуально окрашено).

Мы предположили, что действия характерные для этих ролей, могут быть следующими: «мама» — все действия ухода за членами семьи и домом; «красавица» — все, что связано с зеркалом и украшением себя, исключая гигиенические процедуры (роль истинной «красавицы» не предполагает наличие других ролей — «мамы» или «жены»); действия, связанные с интимной жизнью взрослых (например, кукол укладывают раздетыми в одну постель, накрывают одеялом, и они целуются).

4. Повторы тем игр, игровых действий и их смысловая нагрузка.

Опишем полученные **результаты** по всем четырем показателям.

Темы игр определялись в соответствии с тем, что для детей было главным в игре. Тема игры отличается от сюжета — она «говорит» о том, про что игра, во что дети играли. Ниже перечислены полученные в эксперименте темы (в играх с обоими типами кукол).

В «маму» — дети называли куклу мамой, она выполняла обязанности мамы, хотя у нее могло не быть своих детей, тогда она ухаживала за чужими детьми.

В «семью» — имелась полная кукольная семья с мамой, детьми и папой, который принимал непосредственное участие в жизни дома и воспитании детей.

В «мужа и жену» — в игре принимала участие семейная, но бездетная пара.

Во «взрослую дочку» — кукла ребенка приходилась взрослой дочерью куклам экспериментатора, которые выполняли роли ее родителей.

В «танцы» — центральным моментом игры являлись сборы на танцы и сами танцы.

В «свадьбу» — главным моментом игры являлись свадьба кукол и приготовление к ней.

В «дракончика» — ребенок вместо куклы выбирал другую игрушку — дракончика и развешивал свой сюжет.

В «гонки» — ключевым моментом игры являются гонки на машинах и победа в них.

В «поход на пляж» — основным моментом игры было посещение куклами пляжа, загорание и купание.

В «девушек-подружек» — куклы в игре являются подружками, которые все делают вместе.

В «свидание Кена и Барби» — центральным моментом игры является свидание Кена и Барби как жениха и невесты.

В «девушек-красавиц» — стержнем игры являлось наведение красоты кукол, которые живут одни.

В «дочки-матери» — в игре принимали участие кукла-мама и ее дети, а папы в игре не было (его участие и не предполагалось).

Во «взрослую девушку» — аналогично взрослой дочери, но у куклы не было родителей, и она жила самостоятельно.

В «сына» — кукла выступала в роли сына и выполняла соответствующие действия.

Общее число тем в играх с различными куклами не совпадало. В играх с Барби их было два раза больше, чем в играх с обычными куклами. Хотя количество данных в нашем исследовании ограничено, полученные результаты свидетельствуют о том, что игровой материал Барби наталкивает ребенка на разыгрывание более разнообразных игровых тем, чем наши обычные куклы.

До 5 лет темы игр с обеими куклами почти совпадают. Различия в выборе темы игры начинали проявляться после 5 лет.

В игре с Барби появились темы игр в «мужа и жену», в «танцы», в «свадьбу» (которых в этом возрасте в играх с обычными куклами не было); некоторые из них сохранились в 6 и 7 лет (в играх с обычными куклами их в 6 и 7 лет тоже не было). В играх с обычными куклами после 5 лет появилась игра в «девушек-подружек» (которой не было в играх с Барби в 5 лет). Тема «девушки-подружки» сохранилась и в 6 лет (с Барби таких тем в этом возрасте меньше). В 7 лет увеличилось число игр во «взрослую девушку» (эта тема появилась в 6 лет). Данной темы в играх с Барби вообще не было.

Смысловая близость некоторых тем позволила нам выделить всего четыре группы тем.

1. Семейные отношения:

а) детско-родительские — игры в «маму», в «семью», во «взрослую дочку», в «дочки-матери», в «сына»;

б) женско-мужские отношения — игры в «мужа и жену».

2. Самостоятельная, независимая жизнь — игры во «взрослую девушку», в «девушек-подружек», в «девушек-красавиц».

3. Темы, связанные с переходом в другой тип жизни (взрослую, семейную, супружескую), — игры в «танцы», в «свидание Кена и Барби», в «свадьбу».

4. Игры мальчиков — игры в «дракончика», в «гонки».

Таблица

Типы тем игр с куклами в различных возрастах

Возраст	Барби	Обычные куклы
---------	-------	---------------

	Тема игры	Кол-во	Тип темы	Кол-во	Тема игры	Кол-во	Тип темы	Кол-во
3 года	В «маму»	3	Семейные отношения	6	В «маму»	1	Семейные отношения	3
	В «семью»	3			В «дочки-матери»	2		
4 года	В «семью»	6	Семейные отношения	6	В «семью»	5	Семейные	6
					В «сына»	1		
5 лет	В «мужа и жену»	3	Семейные отношения (женско-мужские)	3	В «дочки-матери»	3	Семейные отношения	3
	Во «взрослую дочь»	2	Семейные отношения	2				
	В «танцы»	2	Переход к другому типу жизни»	3	В «подружек»	6	Самостоятельная жизнь	6
	В «свадьбу»	1						
6 лет	В «мужа и жену»	1	Семейные отношения (женско-мужские)	1	В «дочки-матери»	1	Семейные отношения	2
		В «семью»	1		1			
	В «дракона»	1	Игры мальчиков	3	В «девушек-подружек»	3	Самостоятельная жизнь	4
	В «гонки»	2						
	В «девушек-подружек»	1	Самостоятельная жизнь	2	Во «взрослую девушку»	1		
Во «взрослую девушку»	1							
7 лет	В «девушек-подружек»	1	Самостоятельная жизнь	1	Во «взрослую девушку»	3	Самостоятельная жизнь	3
	В «свидание Кена и Барби»	1	Переход к другому типу жизни	2				
	В «свадьбу»	1						

Таблица свидетельствует о том, что темы всех игр детей в возрасте до 5 лет (как с Барби, так и с обычными куклами) относятся к одному типу — семейных детско-родительских отношений. После 5 лет игры с Барби и обычными куклами значительно различаются, В играх с Барби появляются темы, которых вообще нет в играх с обычными куклами: связанные с семейными — женско-мужскими отношениями; связанные с переходом в новый тип жизни (взрослый, супружеский) — игры в «свадьбу». В играх с обычными куклами появился другой тип тем, связанный с самостоятельной жизнью, его дети продолжали разыгрывать до 7 лет.

Полученные по этому показателю данные свидетельствуют о том, что куклы типа Барби давали толчок игровым сюжетам, в которых отражалось детское понимание отношений между полами. В соответствии с нашей гипотезой «нормативная» игровая проба полорольных отношений должна иметь форму особого, ритуального перехода между двумя семантическими пространствами. Такие переходы — свадьбу — дети разыгрывали только с куклой Барби. Следовательно, Барби способствует прояснению отношений между полами, что и является одной из задач психического развития в дошкольном возрасте. Дети, играющие с обычными куклами, разыгрывали жизнь, типичную для предшествующего семейной жизни периода.

Сюжеты игр

Последовательность действий, составляющих сюжет игры

В 3-летнем возрасте игры с Барби состояли, как правило, из трех действий: куклы встали, поели и поспали (не считая действий, инициированных экспериментатором). Данный сюжет мог несколько раз повторяться. Лишь в одной игре кукла выходила пить пиво, не уточнив куда. В играх с обычными куклами ряд игровых действий был более длинным: куклы встали, поели, отвели ребенка в детский сад или «Макдоналдс», вернулись, поспали. Сюжеты игр с обычными куклами были более развернуты, чем с Барби.

В 4 года игры с Барби имеют такую последовательность действий (количество действий — от 4 до 8): встали, поели, вышли (чаще всего в магазин) или: куклы-родители шли на работу, а дети — в детский сад, вернулись и легли спать. С обычными куклами последовательность действий была такая же, но кроме магазина, детского сада и работы куклы могли ходить в лес (как повтор действия экспериментатора, виденного ранее) и на прогулку. Последовательность действий сохраняется в целом такой же, как и в 3 года, но 4-летние дети играли с обычными куклами немного разнообразнее, чем с Барби. Число действий, составляющих сюжет игры, в играх с обеими куклами в 3-4-летнем возрасте практически одинаково.

Первые различия проявились в 5 лет. В играх с Барби (число действий в них — от 7 до 20) более короткие сюжеты были похожи на те, которые разыгрывались в 4 года, но в них возникали еще и новые действия: куклы больше занимались своим внешним видом и красотой, выходили в большее число новых мест (например, на танцы). В сюжетах с более длинными цепочками действий дети разыгрывали свадьбу, после которой вносили в игру куклу маленького ребенка и заботились о нем как о малыше. Цепочка действий всех игр с обычными куклами в 5 лет приблизительно одинакова (от 14 до 17 действий). К действиям, составляющим сюжет в 4 года, прибавлялись действия, связанные с выходом в большее число разных мест. Длина игровых цепочек увеличивалась еще и за счет большего числа действий, связанных с украшательством, однако наиболее длинные сюжеты были при играх в «семью».

В 6 лет в играх с Барби было зафиксировано наибольшее число составляющих сюжет игровых действий (от 10 до 29); сюжет удлинялся за счет действий, связанных с заботой о внешнем виде куклы и ее красоте. В играх с обычными куклами число игровых действий меньше, чем в играх с Барби (от 15 до 21), однако сюжеты и этих игр были хорошо развернуты и типы тем незначительно отличались от типов тем игр с Барби. Одна часть сюжетов игр с обычными куклами была более развернутым вариантом игр детей в возрасте 5 лет. Вторая часть сюжетов была качественно иной из-за цепочки действий кукол в роли самостоятельных, почти взрослых подружек.

В 7 лет дети в трех следующих друг за другом играх с Барби разыгрывали три разные темы (в «подружек», в «свидание Кена и Барби», в «свадьбу»), которые все вместе составляли, по сути, одну длинную последовательность действий (от 10 до 20) единственного сюжета, содержание которого состояло в переходе от «девушек» к «женам» («мамам»). После «свадьбы» девочки вносили в игру куклу маленького ребенка и заботились о нем как мамы.

В играх с обычными куклами число игровых действий (от 16 до 17) особенно не отличалось от числа действий 6-летних детей. В отличие от игр с Барби в играх с обычными куклами три последовательности действий в идущих друг за другом трех играх могли быть не на одну, а на три разные темы, а могло быть и так, что девочки продолжали во второй игре сюжет первой. Эти темы не были связаны со смысловым переходом.

Семантические пространства

Поляризация игрового пространства на два семантических мира способствует пониманию ребенком смысла человеческих действий и отношений [12]. Прояснение отношений между планами требует противопоставленности двух пространств: 1) детского («своего»), которое

локализовано в отграниченном пространстве родительского дома; 2) взрослого («иногое»), имеющего свою специфику, к которой следует отнести и четко отделенную от глаз других людей интимную жизнь. Однако мы полагаем, что не только отделение смысловых пространств, но и постижение специфики жизни в каждом из них помогает ребенку прояснить отношения между полами. По этой причине мы обращали внимание на то, как при возникновении поляризации пространств дети выделяют границу между ними и как они обустраивают каждое из пространств.

Что касается структуры «своего» семантического пространства, то дети младших возрастов (3-4 года) в играх с обеими куклами сначала выделяли внутреннее пространство дома; а затем внешнее «чужое, иное» пространство, однако дифференцировали его слабо (так, одни дети повели своих кукол в «магазин», другие — на «работу»). В пространстве дома дети этого возраста выделяли только спальню и кухню, в редких случаях — ванную. Они в игровых действиях обживали место, где находился их «дом», но словом это место обозначали как дом лишь тогда, когда взрослый про это спрашивал. Дети не строили ни наружных стен дома, ни внутренних, отделяющих комнаты друг от друга, а подразумевали их (ставили на определенное место соответствующие игрушки и атрибуты; развертывая сюжет, могли словом обозначить данное место, например «кухню»). В 4 года дети впервые для кукол экспериментатора выделили иное, чем для своих кукол, место (еще не дом, а комнату: «А это будет спальня твоей Вероники»), В 3 года они еще играли с куклами взрослого на одном месте (в общей кухне).

Дети 5 лет расширили пространство дома: построили ванную и гостиную; кроме того, они впервые отделили спальню родителей от спальни детей. Начиная с 6 лет дети для кукол экспериментатора выделяли уже не комнату, а отдельный дом («у нее будет другой дом»). Стены домов специально не строили (например, из кубиков); они физически существовали только в том случае, если дети помещали дом внутри какого-либо предмета мебели (например, на полке, под стулом), что происходило довольно часто.

Первое отделение внешнего («чужого») пространства от дома («своего») происходило на четвертом году жизни, когда сами дети выделяли два места, куда можно выходить из дома (работа, магазин). В этом возрасте новые места часто предлагал взрослый (цирк, театр, зоопарк). В 4-5-летнем возрасте дети сохраняли ранее освоенные «места» и добавляли к ним новые (танцы, прогулочные места, ЗАГС, аптека, больница, парикмахерская). К 7 годам дети уже хорошо дифференцировали «чужое» (внешнее по отношению к дому) пространство (в этом отражались представления детей об окружающем их реальном внешнем мире). Например, от хорошо дифференцированного внутреннего пространства дома Барби дети отграничивали дом или квартиру кукол экспериментатора, магазин, кино и церковь.

Четкое определение границы «своего» пространства, отделяющей его от всего остального («иногое» пространства), появилось у детей в 4 года в играх с обеими куклами и обозначалось чаще всего словами («то будет дом моей куклы»). Граница дома в виде стен могла появляться и раньше, если ребенок обустроил дом внутри какого-то предмета мебели (книжной полки) или использовал готовый кукольный дом («Розовый дом» Барби). Дети старшего возраста (5-6 лет) в играх с Барби предпочитали именно готовые домики, а в играх с обычными куклами они четко словами отграничивали «свое» пространство от близко находящегося внешнего пространства (обычные куклы были гораздо больше, чем Барби, и не помещались в домике или на полке шкафа).

Дети 3 лет с обеими куклами развертывали игру в основном в «своем» пространстве (в доме), а освоение «чужого» чаще происходило по инициативе взрослого. Он, во-первых, предлагал новые «места», куда можно выходить из дома (т. е. называл новые смысловые точки во внешнем пространстве, например зоопарк), и, во-вторых, «подталкивал» выход ребенка в «чужое» пространство (так, его кукла пошла в «цирк» или в «лес»). Игра детей 4 лет также, как правило, проходила в «своем» пространстве, однако дети уже начинали ос-

ваивать и «иное» пространство. Взрослый в играх с детьми 4 лет вносил разнообразие в выстраиваемое ребенком внешнее пространство (так, его куклы ходили в «Макдоналдс»).

Дети 5 лет заметно отличались от младших детей. Они были самостоятельнее в дифференциации внешнего («чужого») пространства и выходах за пределы «своего»: инициатива взрослого постепенно снижалась. В этом возрасте появились различия между играми с Барби и играми с обычными куклами. С Барби дети в основном играли в «чужом» пространстве, но они еще часто возвращались в «свой дом». В играх с обычными куклами дети совсем не играли в «своем» пространстве, а активно «жили» в «чужом». В 6-7 лет дети практически самостоятельно (без инициативы взрослого) выделяли все новые места в «ином» пространстве, обживали его, и игра происходила именно в «чужом», а не «своем» пространстве. Количество разных мест в «ином» пространстве достигало 11 (у всех детей 5-7 лет, играющих с обычными куклами).

Переходы границы между семантическими пространствами

Контекст понимания перехода через границу связан с понятийной интерпретацией строения акта развития [9]. Событие здесь понимается как открытие совершённого действия, как двойной (одновременный) переход между «своим» и «иным», реальным и идеальным; при этом данный переход является не столько пространственным, сколько смысловым. В сюжетно-ролевой игре такой переход связан с открытием смыслов человеческого поведения [12].

Переход границы способствует прояснению отношений или смыслов действий лишь в том случае, когда ребенок специально строит этот переход, а не осуществляет его «походя», на фоне интереса к чему-то другому. Нас интересовала форма игрового перехода и его произвольность.

В 3 года переходов не было — игра с обоими типами кукол разворачивалась в одном пространстве — «своем» доме; ребенок самостоятельно действовал только в нем. В 4 года дети уже переходили границу между «своим» пространством и «иным», однако их игра также разворачивалась в основном в одном пространстве — «своем». Картина радикально изменилась в 5 лет: с 5 лет дети всё чаще выходили в различные места «чужого» семантического пространства и возвращались обратно в дом (в играх с Барби) или оставались в нем (например, в играх с обычными куклами в 7 лет).

В 3 года дети словом обозначали, что они делают («я иду в магазин»), а не то, что они собираются сделать, так как дети этого возраста еще не планируют игру. В 4 года дети отмечали перемещение в другое пространство словом («моя кукла пойдет в лес») и одним игровым действием (собирает в сумку вещи). В 5 лет дети всегда сообщали, что куклы намереваются куда-то идти, и игровые действия подготовки перехода были связаны еще и с изменением внешнего вида куклы (ее переодеванием). В 6 лет дети действовали так же, как и в 5 лет, но число готовящих переход игровых действий увеличилось. В 7 лет дети по-разному обращались с Барби и обычными куклами. Играя с куклой Барби, дети не обозначали, куда они собираются идти, поскольку центром их внимания был ими же спланированный смысловой переход — дети разыгрывали подготовку к свадьбе и саму свадьбу (заметим, что каждая игра происходила в разные дни). Так, если ребенок (девочка) не строил церковь в начале игры, то он это делал, когда Барби «спала». В играх с обычными куклами дети разыгрывали не свадьбу, а предшествующую ей жизнь — самостоятельную жизнь взрослых девушек вне дома. С равной вероятностью дети могли отметить переход словом, словом и действием или только действием (переодеванием).

Наблюдая, как дети обыгрывают «свое» и «иное» пространства и переходят границу между ними, мы выявили три качественно разных физических передвижения в игровом пространстве:

1) передвижение внутри одного, как правило, «своего» пространства (из «кухни» в «спальню»);

2) выход за пределы «своего» пространства в несколько мест в «чужом», «ином» (выход в «магазин» или «ресторан» и возврат «домой»);

3) смысловой переход, имеющий форму ритуала — свадьбы. Чтобы выйти замуж за Кена, нужно оказаться в «ином» пространстве (церковь или ЗАГС, ресторан) и остаться в нем (в другом доме) или вернуться домой, но уже в другом социальном качестве (взрослой, замужней женщиной, которая может иметь детей). Последний переход дети разыгрывали лишь в играх с Барби.

Инициатива

Инициатива ребенка

Тактика экспериментатора состояла в том, чтобы предоставить ребенку как можно больше самостоятельности, поменьше вмешиваться в его свободный игровой выбор. Мы обращали внимание на то, какую роль ребенок отводит кукле (мамы, красавицы, женщины, работницы и т. п.).

Что касается игр с куклой Барби, то дети до 5 лет не давали этой кукле имени, а называли ее мамой или папой (если кукла — Кен), кукла чаще всего играла роль мамы, но иногда — еще и красавицы. В 5 лет кукле давали имя (как правило, не Барби), и чаще она была красавицей, чем мамой. В одном случае Барби была красивой женой, и ребенок дал ей имя Женя. Слово «Барби» для взрослого — символ сексуальной красавицы, для ребенка имя Барби обозначает определенный тип куклы, такой же, как, например, Бэтмен, поэтому дети ей часто дают другое имя или (как в случае до 5 лет) она просто мама. С 6 лет дети начинали использовать номинативные имена кукол (Барби, Кен), перестали придавать Барби роль мамы, Барби выступала только в роли красавицы или красивой невесты, а Кен — в роли жениха. Ни один ребенок не назвал Барби принцессой.

Трехлетние дети называли обычную куклу «мама» без какого-либо конкретного имени. «Мама» обязательно была красивой (она причесывалась, наряжалась), но в основном заботилась о членах семьи. У ребенка в 4 года «мама» и «папа» в игре выполняли свои родительские функции, и он давал им конкретные имена («это папа Сережа, а мама — Таня»). Характерно, что у ребенка 5—6 лет куклы продолжали выполнять родительские роли, но, кроме того, взрослые куклы более часто выступали в амплуа красавиц. У 7-летнего ребенка все куклы имели конкретные имена и фактически исполняли роли красавиц.

По результатам, полученным в играх с двумя типами кукол, мы составили представление о различном понимании детьми красоты. В 3—4 года для ребенка и кукла Барби, и обычная кукла — это мама, конечно, красивая: мама для детей этого возраста всегда красивая, но она мама, а поэтому заботится о муже и ребенке. Это подтверждает тип темы игр — семейные детско-родительские отношения. Другое понимание куклы как красавицы мы видели в старшем возрасте — в 5, 6 и 7 лет. Оба типа кукол могли играть роль мамы, жены, невесты, но были также и красавицами, т. е. они были красивыми мамами, невестами и женами. Темы их игр: в «дочки-матери», в «семью» (в игре с обычными куклами), во «взрослую дочь», в «танцы», в «свадьбу», в «мужа и жену», в «свидание Кена и Барби» (только в игре с Барби). Еще одно понимание детьми красоты — это когда куклы действовали только в роли «красавицы» и темы всех этих игр принадлежали к типу «самостоятельная жизнь» и разыгрывались с обычными куклами даже чаще, чем с Барби. В играх с обоими типами кукол роль красавицы была связана с прихорашиванием не только тогда, когда кукла куда-то идет (например, на танцы), но и тогда, когда находится дома (перед сном моет волосы, садится перед зеркалом, сушит их и причесывает). Мы относили действия кукол к роли истинной красавицы, если это были действия прихорашивания, и кукла не выполняла уже ни-

каких других ролей (мамы, невесты, жены). В такой роли куклы выступали только в играх, темы которых относятся к типу «самостоятельная жизнь». Мы можем констатировать, что в играх с Барби роль «красавицы», как мы ее понимаем, появилась лишь в 6 лет. В играх же с обычными куклами роль истинной «красавицы» появилась раньше — в 5 лет (когда дети начинали разыгрывать темы игр типа «самостоятельная жизнь девушек»), к тому же обычная кукла выступает в роли «красавицы» гораздо чаще, чем Барби.

В 3—4 года кукла Барби, как и обычная кукла, — красивая мама. В 5, 6 и 7 лет в игре с Барби темы игр (5 лет — в «танцы», в «свадьбу»; в 6 лет — во «взрослых подружек», во «взрослую девушку»; в 7 лет в «свидание», в «свадьбу», во «взрослых подружек») свидетельствуют о том, что кукла всегда взрослая и взаимодействует с Кеном. Кроме того, в этих темах игр было много игровых действий прихорашивания Барби.

Что касается игровых действий, выражающих представление ребенка об интимных отношениях между полами, то они появились только в играх с куклой Барби. Это были действия, когда куклы ложились вместе в одну кровать (иногда еще и голыми), целовались, и ребенок себя в этот момент вел неестественно, например, хихикал, смеялся, поглядывал на экспериментатора. Мы зарегистрировали всего четыре таких действия, когда две 6-летние девочки играли в «мужа и жену».

Инициатива взрослого

Как мы уже упоминали, экспериментатор предоставлял детям возможность действовать самостоятельно. Чем старше были дети, тем меньше взрослый проявлял инициативу. Он был инициативен в следующем: предлагал новые места в «ином» семантическом пространстве и переходил туда из «своего» пространства. Однако дети самостоятельно выделяли «иное» пространство как место проживания кукол взрослого.

Повторы тем игр, игровых действий и их смысловая нагрузка

Повторы тем

В играх с Барби повторялись следующие темы: в «семью» — в 3 и 4 года, в «мужа и жену» — в 5 и 6 лет, в «свадьбу» — в 5 и 7 лет, в «девушек-подружек» — в 6 и 7 лет. Мы видим, что в первой половине дошкольного детства повторялись темы семейных детско-родительских отношений, а во второй половине — темы семейных женско-мужских отношений, темы, связанные с переходом во взрослую жизнь, и темы самостоятельной жизни девушек-подружек. В старшем возрасте повторялись типы игр, связанные с представлениями детей о взаимоотношениях между мужчинами и женщинами и о красивой девушке.

В играх с обычными куклами повторялись темы: игры в «семью» — в 4 и 6 лет, в «дочки-матери» — в 3, 5 и 6 лет, в «девушек-подружек» — в 5 и 6 лет, во «взрослую девушку» — в 6 и 7 лет. До 6 лет повторялись темы игр связанные с семейными детско-родительскими отношениями. Так, игра и «дочки-матери», где мама заботилась о детях одна, повторялась на протяжении 3 лет. В 5 лет наряду с этим повторялись темы типа самостоятельной жизни, а в 6 лет повторились темы семейных детско-родительских отношений и самостоятельной жизни.

Повторы действий

Действия, характерные для еды, сна, посещения магазина и работы, просмотра телепередач, и отчасти гигиенические процедуры (действия, многократно повторяющиеся и в обычной жизни) совершались одинаково часто в играх с обеими куклами во всех возрастах.

В играх с обычными куклами приблизительно одинаково часто повторялись действия выхода во внешний мир (детский сад, работа, дельфинарий, цирк), а также действия, свя-

занные с заботой о внешнем виде (переодевание, причесывание), посещение парикмахерской и т. д.). Эти повторяющиеся действия соотносятся с повторяемостью тем.

В играх с Барби игровых тем было значительно больше, чем в играх с обычными куклами, поэтому повторяющихся действий, соответствующих той или иной теме, было меньше, и этот показатель становится недостаточно информативным.

* * *

Мы сравнивали содержание игр с двумя типами кукол: с Барби и обычной куклой. Основой для сравнения служила гипотеза о форме игры, «нормативной» для отображения отношений между полами.

Смысловой переход через границу между двумя хорошо структурированными и отделенными друг от друга пространствами взрослых и детей разыгрывался детьми только с куклой Барби в возрасте 5—7 лет. Именно с этой куклой дети разыгрывали свадьбу как основное событие игры. Свадьба — это ритуал, которым общество санкционирует интимные отношения между мужчиной и женщиной. Свадьба означает их внутреннюю перемену, их переход в другое качество: они становятся взрослыми, ответственными друг за друга и за своих детей людьми. Свадьба предполагает ответственность за выбор партнера, и этот момент также разыгрывался детьми (куклы ходили на танцы, где Кен должен был выбрать будущую жену). Не что иное, как это понимание, демонстрировали девочки, участвовавшие в трех следующих друг за другом играх («танцы», «подготовка к свадьбе» и «свадьба Барби и Кена»). Возвращаясь к нашей гипотезе, мы считаем, что психологическое содержание игр в «свадьбу» и есть соответствующая возрасту форма прояснения себе отношений между полами (которые предполагают интимность). Представления детей об интимной жизни проявлялись всего в двух игровых действиях: Кен и Барби ложились в одну кровать; Кен целовал Барби. Здесь также отражено соответствующее возрасту понимание интимных отношений: дети догадывались, что такая жизнь должна быть скрыта от других глаз, она как-то связана с постелью (что-то происходит под одеялом), ребенок рождается после свадьбы и только. Такое понимание половых отношений не является слишком ранним и развратным. Психологическая литература [5, 13] свидетельствует о том, что ребенок в 5 лет достаточно много знает о сфере взаимоотношений между полами.

Вышеупомянутые действия (их было всего 7), отражающие представления детей о половой жизни, разыгрывались двумя 6-летними девочками в двух темах и выглядели одинаково, но их смысловой контекст был разным. В первой теме — игре в «свадьбу» — было три таких действия. Они разыгрывались после ритуала свадьбы, и дети их осуществляли совершенно естественно, продолжая игру. Однако в игре в «мужа и жену» такие действия (их было четыре) выглядели по-другому. Во-первых, им не предшествовал ритуал свадьбы, и, во-вторых, дети, играя, поглядывали на взрослого и хихикали. Вместе с тем первая из девочек, разыгрывающих два таких действия, упоминала о свадьбе кукол, а вторая — называла Кена мужем, т. е. они подразумевали, что ритуал свадьбы уже произошел. В то же время такое поглядывание и хихиканье свидетельствуют о том, что девочки имели еще и другой опыт: они знали, что взрослый их действия может и не одобрить. Такая ситуация и есть момент зарождения интереса: ведь им непонятно, что и почему взрослыми не приветствуется. Совершенно ясно, что дело здесь во взрослых, а не в Барби.

Возникает вопрос, почему в играх с обычными куклами не было такого осмысления отношений между полами, как свадьба. Это может быть связано с несколькими причинами. Во-первых, наше исследование носит поисковый характер, и в нем участвовало мало детей — мы его могли просто не увидеть. Небольшое число детей в выборке было обусловлено тем, что опыты с игрой требуют огромных временных затрат, а также большой, многоступенчатой и кропотливой работы по интерпретации игры. Во-вторых, очень важен внешний вид куклы. Наши обычные куклы, в отличие от Барби, все же не имели однозначно взрослого

вида (мы таких не нашли в продаже), что в меньшей степени способствовало прояснению ребенком отношений между полами. С ними дети разыгрывали другое содержание: самостоятельную жизнь молодых людей (вне влияния родителей).

Как квалифицировать то, что одним из содержаний игр с куклой Барби являются отношения полов? Хорошо это или плохо? Взрослые от ребенка требуют соответствующего полу поведения, но для этого необходимо, чтобы ребенок его опробовал. Дети это могут сделать в игре только с такими куклами, которые им кажутся взрослым мужчиной или женщиной. В том, что дети с Барби так разыгрывают отношения мужчин и женщин, нет ничего плохого; наоборот, это правильное, соответствующее их возрасту понимание. Кроме того, свадьба является далеко не единственным сюжетом игр с Барби. В этих играх есть много другого, что составляет содержание жизни ребенка и чему дети уделяют много внимания. Дело не в Барби, а в мере разумности и ответственности взрослых, приоткрывающих детям отношения между полами в реальной жизни.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что Барби сама по себе не стимулирует не соответствующий дошкольному возрасту интерес к половой жизни. Скорее, игра с ней позволяет ребенку осмыслить те отношения между полами, которые он видит в окружающем его мире. Детям нужны разные игрушки, которые выполняют много различных функций.

Вместе с тем Барби у нас не вызывает особых симпатий. Критика нами данной куклы состоит не в том, что она стимулирует разыгрывание половых отношений, а в том, что она несет в себе штамп. Барби представляет собой массовую «красоту», не имеющую индивидуальности. Мы подозреваем, что массовость такого клише может сформировать у девочки штампованный идеал красоты. В подростковом возрасте это может привести к проблемам, связанным, например, с адекватной самооценкой.

Литература

1. Абраменкова В. В. Игра формирует душу ребенка // Мир психологии. № 4, 1998.
2. Антонова М. А. Специфика игры с куклой Барби у детей дошкольного возраста: Дипломная работа, защищенная в МГППУ. М., 2002.
3. Ершова Г. Г. Игра как способ развития моделирующего мышления // Мир психологии. 1998. № 4.
4. Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000.
5. Лосева В. К., Луньков А. И. Психосексуальное развитие ребенка. М., 1995.
6. Нойшюц К. Куклы — своими руками. М., 2001.
7. Тендрякова М. Новые дочки-матери // Педология / Новый век. 2000. № 2.
8. Тендрякова М. Время в зеркале детской игры // Педология / Новый век. 2000. № 6.
9. Эльконин Д. Б. Введение в психологию развития. М., 1994.
10. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Психологи отечества. М., 1997.
11. Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1999.
12. Эльконинова Л. И. О предметности детской игры // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2000. № 2.
13. Юнг К. Конфликты детской души. М., 1997.
14. Cole M., Cole S. The Development of Children. N.Y., 1989.